

В статье рассмотрены проблемные политико-правовые аспекты системы противодействия коррупции, которые присущи странам постсоветского пространства. Акцентировано внимание на некоторых проблемных аспектах противодействия борьбе с коррупцией, что приобретает системный характер и обуславливает возникновение деструктивных процессов. Определены общественные отношения как объект регулирования в системе противодействия коррупции, а также указано на необходимость переориентации некоторых мер, принимаемых государством на «гражданскую» сферу. Активизация деятельности гражданского общества обозначена в качестве весомого направления относительно должного противодействия коррупции на системном уровне.

Ключевые слова: коррупция, эффективность противодействия коррупции, система противодействия коррупции, анти-коррупционная политика, общественные отношения.

Summary

Veklych V. Political and legal aspects of countering corruption: regarding the question of it's effectiveness and functional significance (orientation).

This article considers the problem of political and legal aspects of countering corruption that is inherent in post-soviet countries. Some problematic aspects of countermeasures taken to prevent countering corruption were regarded as such that have systemic nature and causes occurrence of destructive processes. Public relations were outlined as an object of regulation of the system of countering corruption, and indicated the need for reorientation of some measures taken by the state towards «civil» sphere. Revitalization of civil society is outlined as a meaningful direction for appropriate countering corruption at the system level.

Key words: anti-corruption policy, corruption, countering corruption system, effectiveness of countering corruption, public relations.

УДК 343.163 «18/19»

В. П. ГОРБАЧЕВ

Василий Павлович Горбачев, кандидат юридических наук, доцент, доцент Донецкого юридического института МВД Украины

ПРОКУРОР НА ЭТАПЕ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ЗА ДОЛЖНОСТНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Одним из главных полномочий прокуратуры является право возбуждения уголовного преследования. Объем этого полномочия в различных странах колеблется от монополии прокуратуры в возбуждении уголовного преследования до значительного ограничения этого права. Поэтому полезным является изучение исторического опыта Российской империи, где после судебной реформы 1864 г. прокуратура не имела право возбуждать уголовное преследование по целому ряду преступлений, среди которых наибольшую группу составляли должностные преступления.

Особенности участия прокурора в производстве по делам о должностных преступлениях в досоветский период исследовались К. Д. Анциферовым, В. Волжиным, В. М. Гессеном, Ф. И. Гредингером, А. А. Квачевским, А. Ф. Кони, Е. М. Кулишером, Н. И. Лазаревским, М. А. Лозина-Лизинским, Н. В. Муравьевым, А. Э. Нольде, Н. Н. Розиным, В. Д. Спасовичем, И. Т. Тарасовым, И. Г. Щегловитовым и др. В советский и современный период отсутствуют специальные работы, посвященные указанному вопросу, а в общих работах по истории прокуратуры имеются некоторые неточности.

В связи с этим **целью статьи** является анализ законодательства, регулировавшего возбуждение уголовного преследования за должностные преступления и роль прокурора в этом вопросе, а также анализ практики применения этого законодательства в Российской империи после судебной реформы 1864 года.

Производство по делам о должностных преступлениях было одним из «изъятий» из общего порядка уголовного судопроизводства. В общем объеме уголовных дел, находившихся в производстве судебных следователей и прокуратуры окружных судов, дела этой категории занимали незначительное место, и несмотря на увеличение абсолютного количества, их удельный вес постепенно сокращался; например, в 1890 г. было 6056 дел о должностных преступлениях (или 4,3 % всех дел)¹, а в 1910 г. – 14033 (3,2 %)². Такие показатели в определенной степени объяснялись особенностями порядка возбуждения уголовных дел данной категории, которые являлись крупнейшим из отклонений от обычного порядка возбуждения преследования³.

Основным отличием преследования должностных преступлений от общего порядка уголовного судопроизводства была «административная гарантия», которая заключалась в невозможности преследовать чиновника за какое бы то ни было должностное преступление без согласия его начальства⁴.

Институт административной гарантии был подробно разработан во Франции и оттуда заимствован законодательствами других европейских стран. Однако там он долго не просуществовал и был постепенно отменен, в том числе во Франции в 1870 году⁵. А в России этот институт сохранился и при этом получил более широкое развитие, чем в европейских странах. В России административная гарантия существовала до судебной реформы 1864 г. и сохранилась после проведения реформы. По замечанию профессора Н. Н. Розин-

на, институт административной гарантии был пережитком архаического дореформенного порядка смешения судебной и административной власти, когда разбирательство дел о служебных нарушениях подлежало ведомству, в котором служил чиновник⁶.

Одним из мотивов особого порядка привлечения к ответственности за должностные преступления было желание оградить должностных лиц от неосновательных преследований. Предполагалось, что распространение на должностные преступления общего порядка уголовного производства могло бы иметь своим последствием «чрезмерное умножение случаев возбуждения преследования против должностных лиц». По образному выражению В. Д. Спасовича, «прокуратура и суд вырывали бы целые ряды чинов, целые ведомства, казня людей, преследовали бы систему»⁷. А Правительствующий Сенат в решении от 9 декабря 1871 г. указал, что особый порядок предания суду лиц за должностные преступления установлен «не в видах дарования этим лицам особых прав защиты, а в видах ограждения интересов того ведомства, по которому сделано упущение или злоупотребление»⁸. Кроме того высказывались опасения, что предоставление прокуратуре права на общем основании возбуждать уголовное преследование по всем должностным преступлениям «легко могло бы дать повод к вмешательству судебных органов в круг ведения административных властей и повести к нежелательным столкновениям между прокурорским надзором и администрацией»⁹.

Резко выступая против административной гарантии, Е. М. Кулишер отмечал, что она представляла основанное на законе правительственное укрывательство должностных преступлений, по своему существу являлась отказом в правосудии против должностных лиц, а «боязнь прокурорского вмешательства в царство произвола и насилия определялась ... в значительной мере междуведомственными распрями и ссорами»¹⁰. А по замечанию В. М. Гессена, административная гарантия на практике являлась «гарантией безответственности должностных лиц»¹¹.

Главной особенностью производства по делам о должностных преступлениях было то, что возбуждение уголовного преследования являлось исключительным полномочием начальства обвиняемых, а прокуратура была лишена возможности по собственной инициативе преследовать должностные преступления¹².

Еще при обсуждении в 1862 г. преобразований судебной части в России в соединенных департаментах Государственного Совета было обращено внимание на роль прокурора и отмечено, что он не должен оставлять без движения полученные им сведения о должностном преступлении. Однако, по мнению Государственного Совета, обязанности прокурора в этом случае должны ограничиваться сообщением полученного им сведения начальству обвиняемого чиновника, а в важных случаях – донесением министру юстиции¹³.

В Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – УУС) вообще не упоминалось об участии прокуратуры в возбуждении преследования по должностным преступлениям. Прокурор в этом отношении был приравнен к остальным учреждениям, которые о выявленных ими должностных преступлениях сообщали начальству обвиняемого (ст. 1085 УУС)¹⁴. При поступлении прокурору жалоб и заявлений о должностных преступлениях он мог сделать только одно – направить их соответствующему начальству¹⁵.

Установленный законом порядок позволял правительству в необходимых случаях оградить чиновников от возбуждения против них уголовного преследования. Это было удобно для правительства особенно в период обострения политической обстановки, когда полиция применяла оружие «в целях водворения законного порядка и общественного спокойствия» и при этом причиняла смерть или ранения граждан. В связи с тем, что в некоторых таких случаях чины полиции привлекались к ответственности в общем порядке уголовного судопроизводства, Совет Министров 19 декабря 1906 г. разъяснил, что указанные действия полицейских являются исполнением служебных обязанностей, поэтому привлечение их к уголовной ответственности за причинение смерти или повреждений здоровья при подавлении беспорядков может осуществляться только согласно правилам судопроизводства по должностным преступлениям, т.е. путем направления обвинения начальству обвиняемого, от которого зависело дать делу дальнейшее направление или оставить его без последствий. На основании этого разъяснения министр юстиции И. Г. Щегловитов 22 января 1907 г. направил прокурорам судебных палат секретный циркуляр № 3163, в котором поручил им «озаботиться» тем, чтобы в указанных случаях неукоснительно соблюдался установленный законом порядок и все обрабатываемые в прокуратуру сообщения, жалобы и объявления по этому вопросу направлялись соответствующим административным начальствам, исключительно от которых зависело разрешение указанного вопроса¹⁶.

Кроме того, что прокуратура не имела право возбуждать уголовное преследование, она не имела право самостоятельно проводить проверки по заявлениям о должностных преступлениях или поручать полиции производство по ним дознания. Такое разъяснение дал Правительствующий Сенат 15 сентября 1888 г. по результатам рассмотрения дела о действиях одного из бывших мировых судей, по которому полиция по поручению прокуратуры провела дознание. Сенат указал, что прокурор окружного суда обязан был дошедшие до него сведения о неправильных действиях мирового судьи представить в установленном порядке Правительствующему Сенату и не имел никакого права проверять их и давать полиции указание о проведении дознания по вопросу обоснованности поступившего доноса¹⁷.

Прокурор не имел также право осуществлять надзор за разрешением начальством жалоб, заявлений и сообщений о должностных преступлениях. Правительственная комиссия, которая занималась вопросами пересмотра Устава уголовного судопроизводства, в 1897 г. отметила, что возбуждение дел данной категории находилось «вне ближайшего наблюдения и контроля со стороны прокуратуры» и зависело «от односторонней оценки действий обвиняемых должностных лиц их непосредственным начальством»¹⁸. «Предварительное исследование» поступивших сообщений о должностных преступлениях, которое могло назначать началь-

ство обвиняемого (ст.ст. 1085, 1086 УУС) и которое по своему содержанию и существу на практике было тождественно с полицейским дознанием, было «изъято из-под надзора прокуратуры». В ревизионном отчете по округу Киевского окружного суда указывалось, что судьба дел о должностных преступлениях находилась почти всецело в руках начальства обвиняемых, «которое часто было склонно к оправданию или, по крайней мере, к уменьшению виновности своего подчиненного», а прокуратура была лишена по этим делам «возможности осуществлять свое главное назначение – быть блюстителем закона». А по свидетельству ревизионного отчета по округу Одесского окружного суда, жалобы и заявления, поступившие прокурору и направленные им соответствующему начальству, оно в большинстве случаев оставляло «без последствий»¹⁹.

Для осуществления указанного надзора у прокурора не было правовых оснований. Администрация не была обязана сообщать прокурору о совершенных должностных преступлениях и о производившихся ею проверках поступивших сообщений²⁰. Поэтому прокуратуре не было известно о многих фактах должностных преступлений. В связи с этим дела о таких преступлениях, возникавшие непосредственно в административных ведомствах, «ускользали от всякого наблюдения прокуратуры» во всех тех случаях, когда они заканчивались прекращением или наложением административных взысканий без проведения предварительного следствия. По свидетельству ревизионного отчета по Варшавскому судебному округу, судить о степени правильности постановлений начальства по такого рода делам не было никакой возможности, и «только в исключительных случаях прокурор, не рискуя навлечь на себя обвинение в незаконном вмешательстве в сферу чужих прав и власти», мог «случайно узнать о последовавших по таким делам распоряжениях начальства»²¹.

Прокуратура имела определенную возможность контролировать ход разрешения только тех дел, которые были возбуждены начальством по сообщениям самой прокуратуры или по направленным ею жалобам частных лиц, поступившим в прокуратуру²². Однако и это осложнялось тем, что в законе не была указана обязанность начальства уведомлять прокурора о своих распоряжениях, сделанных по его сообщениям о должностных преступлениях. Из этого было сделано только одно исключение: 19 мая 1871 г. в Устав уголовного судопроизводства внесено дополнение (ст. 448¹), в соответствии с которым начальство чинов отдельного корпуса жандармов обязано было уведомлять прокурора о результатах рассмотрения его сообщения о неправильных действиях подчиненных по обнаружению преступлений²³.

В плане осуществления надзора министр юстиции циркуляром от 6 июля 1884 г. обязал прокуроров по сообщениям о должностных преступлениях, которые они направили начальству, принимать меры к устранению «медленности» в их рассмотрении и делать это путем сообщения высшему в порядке подчиненности учреждению или в министерство юстиции²⁴. С учетом этого, по свидетельству в конце XIX ст. правительственной комиссии, на практике прокуроры обычно не ограничивались сообщением начальству об усмотренных ими должностных преступлениях, а следили «за беззамедлительным разрешением» этих сообщений²⁵.

В результате судебной реформы на этапе возбуждения уголовного преследования за должностные преступления прокурор имел более ограниченные права, чем в дореформенный период, когда губернский прокурор обязан был просматривать все без исключения журналы губернских присутственных мест и имел право принести протесты на определения, признаваемые им неправильными²⁶. Поэтому в дореформенный период в руках губернских прокуроров был сосредоточен надзор за правильным разрешением административными учреждениями дел о возбуждении преследования по должностным преступлениям. А в результате реформы за начальством обвиняемых было сохранено исключительное право привлечения их к ответственности, однако прокуратуре не предоставлены указанные полномочия губернского прокурора²⁷. По замечанию Н. И. Лазаревского, с упразднением должности губернского прокурора был уничтожен тот орган власти, который имел фактическую возможность выявлять должностные преступления по всем ведомствам и имел юридическую возможность настаивать на их преследовании²⁸.

Сенатская практика по вопросу возбуждения уголовного преследования за должностные преступления претерпела определенные изменения. Устав уголовного судопроизводства предусматривал участие прокуратуры только в вопросах предания суду. Однако Сенат, расширительно толкуя закон, первоначально допускал участие прокуратуры и в вопросах возбуждения преследования за должностные преступления²⁹. В решении по делу Пересыпкина от 9 декабря 1871 г. Сенат указал, что «по духу закона» в наиболее важных случаях назначение прокурором помимо начальства предварительного следствия по должностному преступлению не является нарушением прав административной власти³⁰. Однако в последующих решениях Сенат неоднократно разъяснял, что прокурор не вправе по своему усмотрению назначать производство предварительного следствия о должностных преступлениях, а свои сообщения о них должен направлять или начальству обвиняемого, или в первый департамент Сената. Одновременно Сенат указывал, что судебное преследование по обвинению в должностном преступлении может быть начато не иначе как по постановлению начальства обвиняемого³¹.

А когда, по воспоминаниям А. Ф. Кони, он в 1874 г. «сознательно поспешил с возбуждением уголовного преследования» по одному такому делу, то это повлекло определение Правительствующего Сената, которым о допущенном отступлении от закона сообщено на усмотрение министра юстиции. Полагая, что на него «была возложена обязанность охранять интересы общества своевременным и целесообразным преследованием нарушителей закона», и с учетом указанного решения Сената по делу Пересыпкина А. Ф. Кони предложил судебному следователю провести следствие в отношении председателя Лужской уездной земской управы, который совершил растрату, присвоение земских денег и по имевшимся сведениям собирался скрыться за границей. В связи с тем, что по закону возбуждение уголовного преследования председателя

земской управы осуществлялось по постановлению губернского земского собрания, это собрание принесло жалобу на нарушение его прав со стороны А. Ф. Кони. Сенат эту жалобу признал обоснованной³².

В юридической литературе отмечались и другие факты превышения власти прокуратурой. К. Анциферов отмечал: «Представители прокуратуры не раз брали на свой страх возбуждение дел по служебным преступлениям, после того, как все усилия их добиться преследования в законном порядке, разбивались о покровительство начальства»³³. А. Э. Нольде указывал, что прокуратура (особенно в первое время) энергично пыталась сузить область применения административной гарантии и иногда в интересах правосудия отступала от указаний закона³⁴. М. А. Лозина-Лозинский отмечал, что прокуратура в первые годы после введения судебной реформы 1864 г. присваивала себе право назначать своей властью предварительное следствие над должностными лицами; а это повлекло разъяснения Правительствующего Сената о том, что свои сообщения об усмотренных признаках должностного преступления прокурор должен направлять начальству обвиняемого, а не непосредственно к судебному следователю³⁵.

Правительственная комиссия, которая в конце XIX ст. занималась пересмотром законов по судебной части, также отметила, что при существующем порядке возбуждения уголовного преследования прокуратура лишена возможности воспрепятствовать сокрытию должностным лицом следов совершенного им преступления или предупредить побег этого лица; поэтому она вопреки требованию закона, не выжидая разрешения начальства, бывает вынуждена делать распоряжения о начале следствия и о задержании заподозренного³⁶.

Пререкания прокурора с административным начальством по вопросам возбуждения преследования закон прямо не предусматривал, возможность таких пререканий была предусмотрена только после окончания предварительного следствия³⁷. Однако Правительствующий Сенат расширительно толковал закон и допускал возможность пререканий прокурора с начальством обвиняемого по вопросу возбуждения преследования при условии, что сообщение о должностном преступлении поступило от прокурора и по делу обязательным было проведение предварительного следствия³⁸.

Следовательно, можно сделать вывод о том, что закон не предоставил прокуратуре право возбуждать уголовное преследование за должностные преступления и осуществлять надзор за разрешением начальством чиновника жалоб, заявлений и сообщений о таких преступлениях. Однако на практике прокуроры иногда выходили за пределы своих полномочий и возбуждали такое преследование. Сенат также расширительно толковал закон и на этапе возбуждения уголовного преследования признавал за прокуратурой некоторые права, которые в законе указаны не были.

¹ Свод статистических сведений по делам уголовным, производившимся в 1890 году в судебных учреждениях : в 3 ч. – СПб. : Изд. мин. юстиции; Тип. Правит. Сената, 1895. – Ч. 1. – 37 с. – С. 32.

² Сборник статистических сведений министерства юстиции. Сведения о личном составе и о деятельности судебных установлений Европейской и Азиатской России за 1910 год. – СПб. : Изд. первого деп. Мин. юстиции; Сенатская тип., 1912. – Вып. 26. – 432 с. – С. 210–215.

³ Розин Н. Н. Уголовное судопроизводство : пособ. к лекциям / Н. Н. Розин. – СПб. : Изд. юрид. книжн. склада «Право», 1914. – 547 с. – С. 406.

⁴ Муравьев Н. Об уголовном преследовании должностных лиц за преступления по службе / Н. Муравьев // Юридический вестник. – 1879. – № 11. – С. 820.

⁵ Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части : Объяснительная записка к проекту новой редакции Устава уголовного судопроизводства. – СПб. : Сенатская тип., 1900. – Т. 4. – 320 с. – С. 229, 231–235.

⁶ Розин Н. Н. Указ. соч. – С. 248, 407.

⁷ ... Объяснительная записка ... – Т. 4. – С. 241–243.

⁸ Сборник разрешенных соединенным присутствием Первого и Кассационного по уголовным делам департаментов Правительствующего сената вопросов по пререканиям административных начальств с прокурорским надзором об ответственности должностных лиц за преступления по должности : 1868–1872. – СПб. : Тип. Правит. Сената, 1873. – 28 с. – С. 8–9.

⁹ ... Объяснительная записка ... – Т. 4. – С. 242–243.

¹⁰ Кулишер Е. М. Судебное преследование должностных лиц: Порядок возбуждения дела и предания суду / Е. М. Кулишер. – М.: Тип. Т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1907. – 32 с. – С. 18, 21, 23.

¹¹ Гессен В. М. О неприкосновенности личности / В. М. Гессен. – СПб. : Тип. А. Г. Розена, 1908. – 68 с. – С. 40.

¹² ... Объяснительная записка ... – Т. 4. – С. 215, 235.

¹³ Российский государственный исторический архив. – Фонд 1Б. – Описание 1. – Дело 82406. – С. 239.

¹⁴ ... Объяснительная записка ... – Т. 4. – С. 219.

¹⁵ Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. Труды. – СПб. : Тип. Правит. Сената, 1897. – Т. 3: Свод ревизионных отчетов. – Раздел 2. – С. 600, 604–605.

¹⁶ Сборник циркуляров и инструкций министерства юстиции (с 1877 по 1914 г.). Секретные. – Петроград: Сенатская тип., 1914. – 196 с. – С. 173–174.

¹⁷ Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. Подготовительные материалы : в 12 т. – СПб. : Тип. Правит. Сената, 1896. – Т. 12. – 891 с. – С. 774–775.

¹⁸ ... Труды. – Т. 3. – Раздел 1. – С. 66.

¹⁹ Там же. – Раздел 2. – С. 599–600, 604–605, 610, 613.

²⁰ Кулишер Е. М. Указ. соч. – С. 4.

²¹ ... Труды. – Т. 3. – Раздел 2. – С. 612, 617–618.

²² Там же. – С. 617–618.

²³ ... Объяснительная записка ... – Т. 4. – С. 219.

²⁴ Сборник циркуляров и инструкций министерства юстиции. Часть II. 1878–1885. – СПб.: Тип. Правит. Сената, 1886. – 355 с. – С. 215–216.

²⁵ ... Объяснительная записка ... – Т. 4. – С. 219.

²⁶ Свод законов Российской империи. Издание 1857 года. – СПб.: Тип. Второго отд. Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1857. – Т. 2. – Ч. 1. – 1263 с. – Ст.ст. 647, 2488. – С. 122, 496; Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. – СПб.: Издание Гос. канцелярии; Тип. Второго отд. Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1866. – Ч. 2. – 504 с. – С. 415.

²⁷ ... Объяснительная записка. – Т. 4. – С. 215.

²⁸ *Лазаревский Н. И.* Ответственность за убытки, причиненные должностными лицами / Н. И. Лазаревский. – СПб.: Тип. Спб. акц. общ. печатного и писчебум. дела в России «Слово», 1905. – 712 с. – С. 550.

²⁹ *Анциферов К.* Порядок преследования за служебные преступления / К Анциферов // Юридический вестник. – 1884. – Кн. 4. – С. 704–705.

³⁰ Сборник разрешенных соединенным присутствием ... – С. 18.

³¹ Судебные уставы Императора Александра II с законодательными мотивами и разъяснениями. Устав уголовного судопроизводства. 11-е изд., перераб., испр. и доп. по 1-е октября 1912 года. Сост. *С. Г. Щегловитов* (неофициальное издание). – СПб.: Тип. Т-ва А. С. Суворина – «Новое время», 1913. – 948 с. – С. 701–702.

³² *Кони А. Ф.* Собрание сочинений : в 8 т. / А. Ф. Кони. – М.: Изд-во «Юрид. лит.», 1967. – Т. 4. – 544 с. – С. 182–183.

³³ *Анциферов К.* К вопросу о реформе порядка преследования за служебные преступления по судебным уставам / К. Анциферов // Журнал гражданского и уголовного права. – 1882. – Кн. 5. – С. 11.

³⁴ Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет : в 3-х т. – Петроград : Сенатская тип., 1914. – Т. 2. – 831 с. – С. 537.

³⁵ *Лозина-Лозинский М. А.* Привлечение к ответственности должностных лиц административного ведомства / М. А. Лозина-Лозинский // Журнал министерства юстиции. – 1895. – № 11 – С. 81.

³⁶ Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. Представление Министра юстиции от 31 декабря 1901 г. № 45293 по пересмотру законоположений по судебной части. – [СПб, 1902 : Б.м., б.г.] – 473 с. – С. 336.

³⁷ ... Труды. – Т. 3. – Раздел 2. – С. 618.

³⁸ ... Объяснительная записка ... – Т. 4. – С. 246.

Резюме

Горбачев В. П. Прокурор на етапі порушення кримінального переслідування за посадові злочини в Російській імперії.

У статті проаналізовано законодавство, що регулювало порушення кримінального переслідування за посадові злочини й роль прокурора в цьому питанні, надано аналіз практики застосування зазначеного законодавства в Російській імперії після судової реформи 1864 року. Установлено, що закон не надав прокуратурі право порушувати кримінальне переслідування за посадові злочини і здійснювати нагляд за вирішенням начальством чиновника скарг, заяв і повідомлень про посадові злочини. Однак на практиці прокурори іноді виходили за межі своїх повноважень і порушували таке переслідування. Сенат також розширювально тлумачив закон і визнавав за прокуратурою деякі права, які в законі зазначені не були.

Ключові слова: прокурор, посадовий злочин, порушення кримінального переслідування, судова реформа.

Резюме

Горбачев В. П. Прокурор на этапе возбуждения уголовного преследования за должностные преступления в Российской империи.

В статье проанализировано законодательство, регулировавшее возбуждение уголовного преследования за должностные преступления и роль прокурора в этом вопросе, дан анализ практики применения указанного законодательства в Российской империи после судебной реформы 1864 года. Установлено, что закон не предоставил прокуратуре право возбуждать уголовное преследование за должностные преступления и осуществлять надзор за разрешением начальством чиновника жалоб, заявлений и сообщений о должностных преступлениях. Однако на практике прокуроры иногда выходили за пределы своих полномочий и возбуждали такое преследование. Сенат также расширительно толковал закон и признавал за прокуратурой некоторые права, которые в законе указаны не были.

Ключевые слова: прокурор, должностное преступление, возбуждение уголовного преследования, судебная реформа.

Summary

Gorbachev V. The prosecutor at the stage of the initiation of criminal prosecution for malfeasance in the Russian Empire.

The article analyzes the legislation regulating the initiation of criminal prosecution for malfeasance and the role of the Prosecutor in this issue, the analysis of practice of applying mentioned legislation in the Russian Empire after the judicial reform of 1864. It is concluded that the law did not provide the right of the prosecutor's office to initiate criminal prosecution for malfeasance and the right to oversee the decision of superiors about complaints, applications and reports about malfeasance. However, in practice, prosecutors sometimes went beyond their authority, and initiated this prosecution. The Senate also broadly interpreted the law and acknowledged that the Prosecutor's office had some rights that the law were not specified.

Key words: the Prosecutor, malfeasance, the initiation of criminal prosecution, judicial reform.